

Мелодия счастья / рассказ

Category: Некаýалар, Китарсу

написано китарсу | 22 января, 2025

Мелодия счастья / рассказ МЕЛОДИЯ СЧАСТЬЯ

Старый чабан Гулназар не знал, как ему реагировать на неожиданную выходку внука Тайчи. Как же тут не расстраиваться, когда после семи лет бессменного ношения кривой чабанской палки внук вдруг бросает ее и переключается совершенно на другое занятие! Но ведь ты родился в этих песках, сынок, не зря же говорят, где родился, там и пригодился! «Деда, ну что ты такое говоришь, если я оставил свое прежнее ремесло, это вовсе не означает, что я бросаю родные месса», говорит внук, «Я лишь меняю свою кривую палку на прямую железку, вот и все, и всегда буду у тебя на глазах!», говорит он, и все равно как-то не по себе. Весь наш род родился и вырос в этих благословенных Каракумах и единственно в скотоводстве нашел свое призвание, верно?! Носим чекмени из верблюжьей шерсти, тулупы из овчины, шерстяные халаты-доны, пьем молоко и агаран от этих благородных животных, готовим сарган, сушим кисломолочные шарики и делаем гурт, жарим мясо овец и готовим каурму, так жили всегда и теперь продолжаем жить так же. Про овцу говорят, будто бы она сказала: я прокормлю того, кто откормит меня. Да и от имени верблюда есть подобное высказывание: «Того, кто будет гладить и ласкать меня, а потом влезет мне на горб, я никогда не уроню, а если и уроню, то только на мягкое место». Ну, и как же можно оторваться от этих прекрасных животных?!

К вечеру о спаде жары возвестил ласковый ветерок. Вот теперь белые пески начнут остывать и к ночи станут совсем холодными. Удивительное дело, песок, в котором после полудня яйцо можно сварить, настолько он раскален, с заходом солнца мгновенно остывает, словно из печи выгребли уголья. Просто диву даешься, как же удивительно устроен этот мир! Летним днем в пустыне припекает так, что все живое вокруг не знает, где спрятаться, люди и животные истекают потом, но как только наступает вечер,

будто кто пускает струю холодной воды, белый песок становится прохладным, дышится легко. Теперь можно спокойно спать до самого утра, пока со стороны Машрыка не покажется красная лепешка солнца. А пока незримый ветерок будет всю ночь остужать пески. Дышится легко, с каждым вдохом легкие расширяются, распирают грудь. На рассвете ты окинешь взглядом окрестности и увидишь на песке причудливые узоры. Это птицы и животные пустыни, которых не было видно днем, ночью разминали свои конечности. Вот и оставили на песке эти следы-узоры.

Разменяв девятый десяток, Гулназар-ага все еще был крепок, хотя и худощав, спину держал прямо. Сейчас, лежа в постели, он прислушивался к мерным звукам цикад и жучков, безошибочно определял, кому они принадлежат. Прислушавшись, различил звон медного колокольчика, временами доносящегося до его слуха. «Ага, похоже, отара пасется у подножия ближнего холма Гарааймана», - подумал про себя. С другой стороны донеслось одинокое «бо-о» верблюжонка, и старик про себя ласково произнес: «Джан!»

– Вообще-то ты второй отпрыск инена (верблюдицы), вон какая шелковистая у тебя шерсть! Я примерно знаю, откуда ты подаешь знаки, наверно, только оторвался от мамкиной груди и с непросохшей пеной у рта покрикиваешь от удовольствия.

Ему вдруг захотелось поиграть на дудке – туйдудке. Если дополнить многообразные звуки пустыни мелодией «Чувал серпена», насекомые да птицы, любующиеся своими звучаниями, могут призадуматься: «А это еще что за незнакомая мелодия!», а потом молча прислушиваться к новым для них звукам.

Он пошарил вокруг себя и нашел свою тростниковую дудку, приложил ее к губам, изо всех сил выдохнул в нее, и пустыню захлестнули чарующие звуки музыки.

В этих краях никто не умеет лучше Гулназара играть на гаргы-туйдудке. Он научился этому еще мальчишкой, дул в дудку до тех пор, пока хватало дыхания, пока вся кровь не прилиwała к лицу. Он любую мелодию может исполнить на своей дудке – «Той мукамы», «Гелин мукамы», «Лотулар мукамы», «Мями геоклен», «Чувал серпен», «Гырмызы»...

Когда он, вдоволь наигравшись, отложил дудку в сторону, не

было слышно даже жужжания мухи. Кажется, все живое в этой пустыне замолкло, очарованное звуками «Чувал серпена».

Он снова прислушался к тишине. Прилег, прикрыв глаза, и чуть было снова не задремал. Вдруг слух выхватил незнакомые звуки, и он повернулся на бок. «Тук-тук», «Хш-хш» – эти звуки вырывались из железной пасти, он знал это. Для пустыни такие звуки были диковинными. Прислушиваясь к ним, он погладил белую бороду, прикрывающую всю грудь, и невольно произнес:

– Вот что манит Тайчу, а мне рвет душу.

Он снова прислушался к едва доносящимся до слуха звукам и теперь уже заговорил про себя: «Этот парень Агагельды, который так сладко говорит, несколько дней назад пытался что-то объяснить мне, а я, старый, по глупости не придавал этому значения, сейчас только вспомнил об этом. Ну, да ладно, пусть будет любая работа, лишь бы все было хорошо».

Вечерняя прохлада, в конце концов, слепила его веки.

* * *

Как видно из названия, в Едитама (семь домов) не особо много народу проживает. Правда, сейчас домов и жителей здесь стало больше. Некогда крохотный аул разросся и теперь превратился в раскинувшееся между двумя высокими барханами село. Человеку свойственно размножаться, дети растут и вырастают. Вот и у чабана Гулназара, ставшего старейшиной Едитама, имеется семь сыновей и четыре дочери, от них родились его внуки числом не менее тридцати-сорока, есть у него и четырнадцать правнуков. Даст бог, через пару лет можно ждать и праправнуков.

Вот теперь совсем близко к этому селу подошла железная дорога. Это событие стало невидалью не только для Едитама, но и для окрестных в пустыне сел – Авламыш, Гарайылгына, Боветбовсена, Чагыла. Тувера, Куртушбаба, Гуланятана...

Послушать Хотджи ага, который любит все оборачивать шуткой, так он скажет:

– В нашу глушь, в которой только и слышны были блеяние овец да мычание коров и рев верблюдов, будто рычащий тигр ворвался.

А Гулназар ага при виде этого чуда, которое заставило рот

открыть от удивления, внес поправку в слова своего земляка: «Само время стало таким могучим, как тигр или лев. Иначе кто мог поверить, что среди этих сыпучих песков проляжет стальная дорога?!» Гулназар-чабан долго стоял с раскрытым от изумления ртом, когда увидел, как мощные тракторы желтого цвета с легкостью расправляются с барханами, сдвигают их с места. После этого не прошло и трех месяцев, как рядом с Едитамом засверкали стальные рельсы железной дороги. «Под солнцем рельсы как зеркало отражают солнечный свет!»- радуются ребяташки, сообщая друг другу эту новость.

Здесь построили белое двухэтажное здание со сверкающей вывеской «Станция Едитам», ее видно издалека и кажется, что в здешние пески упала яркая звезда. После этого и начались все события, взбудоражившие маленькое сельцо в песках. Руководит всеми здешними работами широкоплечий, с хорошо подвешенным языком инженер Агагельды, он пару раз чаевничал у старейшины аула Гулназара ага. Вот тогда-то он и сделал намек старику.

– Знаешь что, яшули, скоро ты сам увидишь, какие чудеса здесь начнут происходить! Вот пойдут поезда, тогда и поймете вы, какое это благо. Ну, например, образовались у вас излишки молока и молокопродуктов, мяса там или еще чего, отнесете вон на ту станцию, и у вас все с руками оторвут. И то, что нужно вам, тоже привезут: овощи, стройматериалы, да мало ли что. Главное, что я хочу вам сказать: железная дорога – это что-то вроде кровеносных сосудов, туда, куда она дошла, и дороги придут, и люди придут, протянут сюда воду и электричество, природный газ, будет связь, словом, райская жизнь у вас начнется...

Чабан Гулназар протянул гостю горячую лепешку, которую только что достали из-под горячих углей и подали к обеду:

– На, отломи хороший кусок и поешь,- предложил старик, пододвинул к гостю и миску с жареным мясом – каурмой. – Да поешь ты спокойно, сынок, что ты, как птичка, клюешь понемногу. Наешься от души, и сразу почувствуешь силу, будешь бегать наравне с вон той штукой, которая снует туда-сюда как челнок по вашему двойному кушаку.

Инженер Агагельды улыбнулся примитивно-шутливому сравнению

простодушного старика.

– Спасибо, отец, я от души поел, - с аппетитом дожевывая кусок мяса, продолжил. – Нам, Гулназар ага, теперь нужны ребята, которые будут обслуживать эту дорогу.

Хозяин дома сделал большой глоток чая из своей пиалы.

– А что ваши ребята, вон они какие крепкие! Или же они только строят, а потом поминай, как их звали?

Инженер Агагельды рассмеялся.

– Ты прав, Гулназар ага, наше дело строить дорогу. Нам надо среди местных ребят искать толковых, которые смогут работать составителями поездов, дорожными смотрителями, наладчиками связи, дежурными по станции, словом, люди самых разных специальностей потребуются.

Хозяин дома пошарил вокруг себя иссохшими и оттого ставшими казаться длинными руками, искал папаху.

– Да что ты такое говоришь, сынок! Думаешь, мальчишки, с рождения овец да коров пасущие, что-то в твоей дороге смыслить смогут? Наверняка все перечисленное тобой сплошная загадка?

Строгий ответ инженера Агагельды прозвучал для хозяина дома как гром среди ясного дня:

– Как вы смотрите на то, чтобы мы начали отбор таких парней с вашего внука Тайчи? Вот увидите, через пару лет из них вырастут отличные железнодорожники!

Гулназар ага раскатисто рассмеялся.

– Ходил, сынок, вокруг да около, а потом взял да за меня зацепился.

– Конечно, вы старейшина, поэтому с вас и надо было начинать. Держа в руках миску с агараном, вошла Хаджарбиби эжде, она дала понять, что с улицы слышала их разговор.

– Если Тайча джан согласен, ты тоже не возражай, старый. Ходить за овцами и верблюдами есть кому, слава богу, внуков хватает. Ты же раньше всегда поступал по поговорке: «Если народ одобрит, забей своего коня»!

Гулназар ага хлопнул себя по коленям:

– Умеешь ты, старая, находить слабые места человека, особенно, когда ты этого не ждешь. Ну, коли вы с внуком уже сговорились, мне не остается ничего другого, как согласиться.

Хаджарбиби эдже осторожно опустила вниз деревянную миску, приставила с каждой стороны по ложке и пристально посмотрела на мужа.

– Разве это не счастье, если кто-то в твоём роду другим делом займётся. Не ты ли говорил, что парню и тысячи ремесел мало. Никак ты не избавишься от своего упрямства, порой упрешься, как старый верблюд, с места не сдвинешь.

Гулназар ага махнул рукой жене, чтобы ты замолчала, опять раскатисто засмеялся.

– Ты уже поставила точку в разговоре, иди уже отсюда!

Положив голову на высокую подушку-валик, он бросил взгляд на поблескивающую под закатными лучами солнца железную дорогу, видневшуюся сквозь открытую дверь восьмикрылой белой кибитки. Он снова вспомнил недавний рассказ Тайчи и то, с каким жаром он говорил:

– Деда, южный конец этой железной дороги, которая проходит мимо нашего села, уходит дальше Этрека, проходит через Горган в Иране, а северная ветвь дороги идет через плато Устюрт до самого Казахстана. Ты же слышал о Карабогазе. Это не тот аул Карабогаз, что в окрестностях Сердара, я говорю о заливе Карабогаз, в который выливается морская вода Хазара. Так вот, дорога, похожая на две струны, огибает этот залив и уходит в Казахстан...

Старик вдруг резко что-то вспомнил и перебил внука:

– Помню, как мальчишками мы на ишаках возили комки соли из Куулидуза, наверно, и Карабогаз что-то вроде этого.

Тайча словно ждал этого вопроса, жестикулируя руками и волнуясь, словно он стоял на берегу залива, стал объяснять, а дед слушал его с раскрытым от удивления ртом:

– О-о, Карабогаз – это целая кладовая сокровищ, это священный залив, в водах которого, деда, сосредоточены все элементы периодической системы Менделеева. Ну да, ты вряд ли знаешь, кто такой Менделеев, вижу, как округлились твои глаза, это же ученый с мировым именем! Если железная дорога пройдет вдоль залива, появится возможность промышленной переработки его сокровищ, да и транспортировка готовой продукции не составит особого труда. И тогда этой продукции хватит в избытке не

только нам самим, но ее излишки мы сможем вывозить по этой дороге в эту сторону в Китай, а в другую – в Россию, на юге до Индийского океана, на Аравийский полуостров, словом, на мировые рынки...

Старик чувствовал себя так, словно попал в другой мир, он почесывал затылок, моргал и думал про себя: «Смотри, как все бывает в этой жизни. Точно говорят: много знает не тот, кто долго живет, а тот, кто много учится... Он ведь из школьной библиотеки не вылезал, я уже тогда должен был понять, что он будет много знать. Но я не думал, что настолько много, что сможет до многих вещей докопаться. Мне вон за восемьдесят, а он даже меня заставил задуматься. А ну, попробую я ему один вопрос задать».

Старик завел речь о том, что волновало его:

– Вот ты говоришь о сокровищах, таящихся в воде, а недра нашей пустыни вроде тоже что-то имеют. Недавно сюда приезжали на огромной машине, люди воткнули в землю какой-то металлический штырь и что-то проверяли, да ты и сам это видел.

Тайча помолчал немного, словно прислушиваясь к тишине. Он вдруг заметил лежащую рядом с дедом дудку и улыбнулся.

– Если я отвечу на этот вопрос, ты сыграешь мне потом какую-нибудь мелодию?

Дед весело рассмеялся.

– О чем ты говоришь! Я тебе даже не одну, две мелодии сыграю! Старая глотка еще способна что-то выдувать, детка. А ну, слушай!

Под корявыми пальцами деда мелодия «Овадан гелин» плавно полилась из отверстий дудочки, казалось, она вскипала и выплескивалась из них.

Услышав звуки музыки, детишки, увлеченные игрой, вдруг остановились, повернули головы в эту сторону и стали слушать музыку.

Хаджарбиби тоже услышала музыку, она вышла из своей кибитки, бросила взгляд на старика, вдохновенно дувшего в свою дудку, улыбнулась, покачала головой и осталась стоять на месте.

Верблюд, пасшийся неподалеку среди зарослей солянки, вытянув длинную шею, смотрел в ту сторону, и во взгляде его читалось:

«До чего же прекрасна эта музыка!»

Поодаль девочки пели свои песни-ляле, но, заслышав звуки музыки, понизили голоса.

Последние такты музыки старик сыграл на особом подъеме и закончил ее в прекрасном настроении. Он легонько похлопал по плечу внука, который все еще находился под впечатлением от музыки:

– Ну а теперь оба моих уха слушают тебя.

Полулежа на кошме, расстеленной прямо на белом песке, он посмотрел вверх Едитама. Отсюда все хорошо просматривалось, все село было как на ладони. Вон у дома Дангатара-гуйычы (колодезных дел мастер) его невестка Айгуль разводит в тамдыре огонь. Возле дома Джангельды-уста (мастера) его жена Дяникгуль доит корову, каждый раз, когда она с силой тянет соски, кажется, что он слышит звук падающих в ведро струй молока. Чуть в сторонке недавно вернувшийся из армии сын Оде-пальвана, то сгибая, то разгибая ноги, выполняет упражнения на металлической перекладине, перекинутой через стволы двух деревьев. Возле загона водителя Пудака свежуют овцу, наверно, для домашнего пропитания. Короче, к вечеру Едитама приходит в движение, напоминающее муравьиное. А вон девушки, немного освободившись от работы, собрались возле Ясыдепе у северной окраины села и уже начали распевать свои ляле. А еще дальше совсем юные жители Едитама заняты своими играми – кто в мяч играет, кто еще во что-то.

Пустыня красива. После обильных дождей пришла весна, она щедро одела белые пески в зеленый наряд. Склоны и подножья холмов густо поросли осокой и мятликом. Ветер гладит длинные, как косы тех девушек, побеги селина, в воздухе стоит терпкий запах полыни, вдыхаясь в легкие, он оседает в груди. В виднеющейся вдали низине серо-зеленым отсвечивают мощные стволы саксаула, на которых можно верблюда подвесить. Там вырос целый лес. Чуть ближе растут кусты пониже, это черкез, чалы. От запахов елмика, осоки, коврейика, «джейраньей чаши» с повернутыми сверху широкими чашами слегка кружится голова.

– Как же хороша наша пустыня во все времена года! – воскликнул Тайча, а потом окликнул играющего неподалеку мальчика. –

Тоймурат джан, братишка, принеси мне из дома мой дутар! - попросил он и продолжил. – Но самое удивительное в этой пустыне – это то, о чем мы говорили, то есть ее недра и таящиеся в ней богатства. Говорят, в Тувергыре, что расположен севернее, обнаружили большое месторождение каменного угля. А это очень ценное сырье. Еще давно установлено, что в Гызылгая не только медь имеется, но и немалые запасы золота.

Внимательно слушая все, что говорил внук, старик удивлялся, откуда он все это знает.

– Да и гравий от тех мест недалеко, верно? Так вот, в тех местах геологи обнаружили огромные очаги природного газа. Плато Устюрт тоже сплошь из стройматериалов состоит, здесь тебе и гипс, и мел, и щебень, словом, всего не перечислить. Но самое главное, вот эта железная дорога пройдет мимо всех названных мест. А это значит, что с приходом железной дороги полностью решаются вопросы освоения этих богатств, их переработки, транспортировки и тому подобное. Вот для чего нужна эта дорога, деда.

Мальчишка принес дутар, осторожно вручил его Тайче, после чего сразу же ускакал к своим сверстникам, чтобы продолжить с ними начатые игры. Проводив его взглядом, старик обратился к внуку, который уже закончил свой рассказ:

– А ну, детка, сыграй что-нибудь!

Тайча с удовольствием взял в руки дутар. И зазвенела колокольчиками, потекла с ладов дутара музыка «Джереним». Сощуриив глаза, старик полностью ушел в музыку, дождавшись последнего удара по струнам, попросил внука:

– Сыграй еще что-нибудь!

Внук подкрутил лады, заиграл, зазвучавшая мелодия была незнакома. Слушая музыку, старик, удивляясь, поначалу следил за проворно двигавшимися пальцами внука, а потом полностью отдался музыке. Качая головой и туловищем, он подался корпусом к дутару и стал следить за лицом внука, выражение которого менялось в такт музыке. Вокруг воцарилась тишина, сейчас между небом и землей существовали только эти звуки дутара. Доселе не слышанная музыка очаровала всех. Громко хлопнув по крышке дутара, Тайча повернул к деду вспотевшее лицо. Старик тихо

спросил:

– Как называется эта вещь, детка? Кто ее автор, когда она создана?

Тайча вытер вспотевший лоб тыльной стороной ладони и смущенно произнес:

– Эта, деда, музыка родилась сама собой в тот день, когда до нашего села дошла железная дорога, у меня что-то внутри вспыхнуло, и там зазвучала вот эта музыка. Я даже еще не знаю, как она называется. Я поработал над ней немного, кое-что подправил, и вот сегодня впервые исполнил ее для тебя. А теперь...

Старый Гулназар ласково пожал руку внука, а потом, волнуясь, обнял его.

– Я восхищаюсь и руками твоими, и умом, сынок. – Старик неожиданно вскочил с места. – О, Аллах, ты только посмотри на это чудо нашего времени! Не верю глазам своим, мне все это кажется сном, сказкой, но эта сказка вылилась в музыку, покорившую сердца! У меня теперь нет ни капли сомнения в том, что чабанские отпрыски смогут управлять этой железной дорогой. Как я счастлив, что на закате лет своих я увидел это чудо, - он протянул руки вдаль. – И эта музыка будет литься долго-долго, и радовать людей так же, как эта долгая железная дорога.

А музыка летела над барханами, рассыпаясь на кристально чистые звуки.

И вот теперь эта мелодия получила название «Мелодия счастья».

Мимо ехал поезд. Его длинный приветливый гудок, стук колес стали дополнением к только что прозвучавшей музыке.

Перевод О.ОРАЗКУЛИЕВОЙ. Некаýalar